

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ

Ж. М. Грищенко

Проблема дифференциации политологии и социологии политики находится в состоянии перманентного дискурса. И тем не менее до настоящего момента однозначного решения проблемы нет. Более того, обилие учебных пособий, как по курсу политологии, равно как и социологии политики, не только не вносят ясности в сюжет дискурса, а скорее наоборот – еще более запутывают его. Сравнительное сопоставление пособий, вышедших за последний период, позволяет утверждать *относительную идентичность* их структур, категориального аппарата, обьективированных закономерностей, так же как и методов исследования. Все это в значительной степени затрудняет чтение обозначенных курсов на отделении социологии. Тем более что учебная программа предполагает сдачу экзамена по политологии в конце 6-го семестра, а социологии политики – 7-го семестра.

В отечественном научном дискурсе проблема соотношения политологии и социологии политики эксплицируется через попытки «развести» *объектные и предметные* стороны двух дисциплин. При этом политологи откровенно пытаются защитить приоритетность своей диспозиции, рассматривая политологию как *общую, интеграционную* науку о политике, включающую в качестве составных частей **политическую социологию, политическую философию, политическую психологию, политическую антропологию, политическую географию** (геополитику). Таким образом, отношение политологии к политической социологии здесь преподносится через взаимодействие общего и частного. При этом социологические «частности» связываются с *социальным* вектором политики и власти.

Приведенную аргументацию можно было бы признать своеобразным *идеологическим атавизмом* со стороны наших политологов, в значительной части своей выходцев из научного коммунизма, если бы не факт приверженности данной точке зрения социологов-политологов, которые согласились с постулатом *социальной* определенности политики как своего *специфического* направления. Парадокс в том, что представить политику вне социального контекста в принципе невозможно.

Очевидно, что политика *социальна* по своей природе, функциональному целеполаганию, выраженности как массовидного процесса. По-разному трактуется социальный механизм происхождения политики и власти. В одном случае как феномен общественного договора, т. е. добровольной со стороны общества передачи полномочий ряду лиц в целях солидаризации и выживания общественного организма (напр. у Д. Локка), в другом – как органическое следствие усложнения социальной организации, его объективной систематизации (накопления массы), обуславливающей закономерную дифференциацию частей и, как следствие, – объективную закономерность выделения координирующего органа (напр. у Г. Спенсера). **Социальность** природы политики и ее *функциональной направленности* нашла отражение и в трудах современных авторов (в том числе из числа политологов), определяющих сущность политики не иначе как **деятельности, направленной на осознание и отстаивание интересов различных социальных групп и слоев населения и выработке обязательных для всего общества решений, осуществляемых с помощью государственной власти.**

Как функция управления государством (искусство управления) политика органично связана со всеми его структурами и сферами жизнедеятельности, ибо реализует прежде всего функцию стратегическо-

го целеполагания (система AGIL Т. Парсонса). В этой связи, помимо прочего, политика отмечена *социальной* выраженностью, ибо органично включает в свой «водоворот» все пространства жизнедеятельности социума, отражаясь на качестве жизни народонаселения.

Таким образом, политика вне социального контекста может быть представлена как **набор политических технологий**, оценить природу и эффективность которых также невозможно принципиально вне их социального контекста. Можно, например, говорить о технологическом обеспечении предвыборной кампании В. В. Путина. Однако понять ее эффективность и содержательную наполненность возможно только с учетом стереотипов массового сознания российского общества. Иначе технологический процесс, сопровождающий выборную кампанию В. В. Путина, останется мертвой схемой, логически проблематичной и даже противоречивой. Аналогично и политика вне социального контекста лишается своих причинно-следственных связей и объяснительных схем, которые напрямую связаны с *социальным* контекстом.

Практически в этой же логической дихотомии объект – предмет с выраженной *социальной* компонентой политической социологии развивают дискурс и социологи, выделяя два вектора влияния – государственные институты на гражданское общество и, наоборот, *гражданское общество на государство*, что собственно и определяет дифференциацию предметов двух дисциплин. То есть предметом политической социологии являются законы взаимодействия всех структур и сфер жизнедеятельности гражданского общества с политикой [1]. Понятно, что перемена мест слагаемых не меняет, к сожалению, содержательный континуум, эксплицированный в общих категориях, структурах и закономерностях. Сравнительно в этом же методологическом континууме развивает дискурс и Ж. Т. Тощенко, заметно конкретизируя, тем не менее, вектор социального как анализ политических процессов с точки зрения личности и гражданского общества в целом [2].

Объяснительная разрешающая способность дихотомии объект – предмет как основание к разделению дисциплин чрезвычайно непродуктивна. Ее методологическая нагруженность выглядит *схоластичной* и оправданной лишь в одном – иллюстрации отсутствия достаточных оснований к признанию самостоятельного статуса двух дисциплин. Возможно, как раз поэтому западная социология не загружает себя обилием интеллектуальных интенций относительно объектно-предметной определенности социального познания, тем более что в гносеологическом смысле эти понятия следует признать синонимичным рядом, так как заданное X познания предполагает интегративность объекта и предмета в единое целое.

Прекрасный пример «Социология политики» П. Бурдьё. Здесь вы не найдете рассуждений о предметно-объектной определенности дисциплины, столкнетесь с пренебрежением к междисциплинарному делению, обнаружите решительный разрыв традиций, разделяющих теоретическое и эмпирическое знание. Зато найдете главное – суть социоанализа, в том числе в его преломлении к объекту политики. Социология политики П. Бурдьё раскрывается не иначе как *критическая рефлексия политических практик*, т. е. скорее как *специфический метод, социологический инструмент* анализа политики как социальной реальности. А сама политическая наука есть *рационализация компетентности*, которой требует универсум политики и которой профессионалы владеют на практике [3].

Абстрагируясь от сути социологической парадигмы П. Бурдьё, отметим, что качественная определенность объективированного в ней социоанализа позволяет выйти на совокупность категорий политической социологии, которые не имеют аналогов с категориальным аппаратом ни одного из наших традиционных учебников по политологии. Вот некоторые из них: делегирование полномочий, габитус, узурпация власти, символическое насилие, политическое отчуждение, гомология пространственных структур, эффект аппарата, политический капитал и др. В своей совокупности они представляют «кодификацию правил функционирования поля идеологического производства», а также набора знаний и умений, необходимых для того, чтобы им следовать [4]. За каждой из названных категорий стоят конкретные закономерности формирования и функционирования политического поля. Вне их конкретной содержательной наполненности невозможно в принципе понять его суть.

Таким образом, социология политики есть часть политологии. Поэтому дискуссия об их объектно-предметной спецификации скорее схоластична, нежели оправдана продуктивностью научного дискурса. Пора, наконец, признать, что существенных различий в объектах и предметах двух дисциплин здесь попросту нет и не может быть. Суть различий в *инструментальной* вооруженности социологии политики для *критической* рефлексии политической практики. Социология политики (равно как и социология в целом) располагает *универсальным* методом познания – оценкой политических реалий через *матрицу* их *восприятия* массовым сознанием или гражданским обществом, что позволяет оценить арсенал ее знаний *достаточным* для критического анализа и осмысления политических практик. От-

сюда совершенно не следует вывод о том, что социология политики исчерпывается набором эмпирически фиксируемых социальных фактов «субъективного прочтения» политических реалий. Социология политики трактуется как *вовлеченная в политическую практику стратегия*, чьи интересы *инвестированы* в действительность, которую она *призвана понять и объяснить*, в том числе в содержании своей теории среднего уровня.

Литература

1. Политическая социология: учеб. пособие. 3-е изд., доп. и перераб. Ростов н/Д : Феникс. 2007. С. 10.
2. Политическая социология: учебник для вузов / под ред. чл.-корр. РАН Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 13.
3. Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко; пер. с фр. М. : Socio-Logos, 1993. С. 189.
4. Там же.